

VSvvES

Le Comte de Мориарти
Часть 1. Рассказы Дохтурова.

№ 3. Жуткие Танцы.

VSvv ES

Le Comte de Мориарти. Часть 1. Рассказы Дохтурова. №3. Жуткие Танцы

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70553758
SelfPub; 2024*

Аннотация

"История началась утром несколько недель назад. Жена просматривала ленту в социальной сети, вскрикнула и выронила на стол телефон. Илья успел увидеть выражение ужаса на ее лице. В ленте ничего особенного не было. Тарелки с едой, фигуры вполоборота, милые картинки с пляшущими котятками. Ни выше, ни ниже по ленте ничего особенно тоже не было."

VSvv ES

Le Comte de Мориарти.

Часть 1. Рассказы

Дохтурова. №3.

Жуткие Танцы

– Ты зачем здесь гадишь, паршивец? – я оглянулся и увидел сморщенного человека с седыми волосами, торчащими из-под по-старому уродливой шапки. Он с ненавистью глядел на Холмова. Тот разглаживал листок бумаги, который только что приклеил на стену.

Моя рука потянулась во внутренний карман. Если достать корки, и с грозной мордой развернуть их перед мужиком, то он не заметит, что это пенсионерское удостоверение. Холмов метнулся ко мне и хлопнул по плечу. Мужик отшатнулся и стал уходить к соседнему подъезду.

– Я знаю этот тип людей... – сказал я, оправдываясь. До меня дошло, какую глупость я чуть не совершил.

. Холмов продолжал стоять за моей спиной. Я чувствовал, как он хищно замирал, когда мужик оглядывался.

– Сорвет, – кивнул я на дверь соседнего подъезда, которая закрылась за мужиком.

– Я предлагаю проверить, сколько это почтенный джен-

тельмен пробудет в подъезде, – Холмов вышел из-за моей спины и оглядел округу.

Я указал угол соседнего дома, который стоял поперек, образуя часть коробки двора. Угол не было видно из окон соседнего подъезда, но как там дуло! Через полчаса Холмов захлюпал носом, съежился и стал еще больше походить на мальчишку. Сейчас ему не дашь и больше восемнадцати.

– А говоришь, не надо брать деньги, – сказал я, глядя, как он вытирает нос рукой. – Мы тут гробим свое здоровье... молодость, так сказать... Докатились, следим за чужими женами...

И этот клиент оказался приятелем Холмов по компьютерным играм. Но как приятелем – Холмов знал его только под ником GAG_03/JTC.

GAG_03/JTC оказался высоким спортивным парнем. Как только прерывался его рассказ о странном происшествии с женой, его лицо тут же само переставало хмуриться и морщится. Быть озабоченным его лицу было непривычно, а потому тяжело.

– ... извини, как?... – наш собеседник вглядывался в Холмова, сравнивая его в реальности со своим заочным представлением.

– Только не смейся, Ермолай. Так назвали. Лучше по фамилии, Холмов... А тебя?

– Илья... да ... надо на сборища изредка ходить...

Илья был смущен от того, что ему сейчас придется рас-

сказывать глупости.

История началась утром несколько недель назад. Жена просматривала ленту в социальной сети, вскрикнула и выронила на стол телефон. Илья успел увидеть выражение ужаса на ее лице. В ленте ничего особенного не было. Тарелки с едой, фигуры вполоборота, милые картинки с пляшущими котятами. Ни выше, ни ниже по ленте ничего особенно тоже не было.

– Не успел много пролистать, оны выхватила телефон, – сказал Илья. – Но я уверен, что крик у нее был, как будто ей придавили горло.

Может и придавило горло, или он сейчас оправдывается, но в тот день он забыл и о крике, и об ужасе, как только вышел за дверь – утро, спешка.

Вечером того же дня он не сразу попал домой. Дверь была закрыта и на замок, и на внутреннюю щеколду. Еще жена спросила через дверь, кто пришел. Но вспомнил он о ее ужасе и крике, только когда и на следующий день дверь оказалась закрытой на замок и щеколду, а ему пришлось отвечать, кто пришел и еще гулять с ребенком. Ребенок, оказывается, не гулял два дня. Попытка выяснить у жены, что происходит, закончилась скандалом. Илью обвинили, что он совсем забросил семью и дом и совсем не помогает.

Как смог, Илья просмотрел телефон жены, ее страницы в социальных сетях и даже нашел картинки – те или похожие на них. Он внимательно разглядывал их, уже не на телефоне,

а на рабочем компьютере, но ничего не привлекло внимание. Обычные картинки, котята танцуют. В тот день их многие перепостили, еще больше видели.

– В чьих лентах? – оживился Холмов.

– Как я ленты увижу? На нескольких страницах тех, кто перепостил. Ничего особенного...

– Страницы девушек?

– Кажется, да.

– Возраст?

– Как по фотографиям поймешь... Не старые.

Жена явно стала чего-то бояться. Илья сразу после работы еще должен был гулять с ребенком, а потом мог быть отправлен в магазин. Это доставало. Когда дочка на прогулке спросила: "Папа, почему ты оглядываешься?", Илья понял, что надо что-то предпринять. Он решил поговорить с отцом.

– Может быть, ребенку что-то грозит, – оправдывался перед нами Илья. – У отца безопасник есть. На хороших деньгах. Все равно надо будет отцу объяснять, почему вместе с ним в командировку не лечу.

Через несколько дней безопасник сказал, что все чисто, и дело, судя по всему бытовое. Отец тоже посоветовал поговорить с женой.

– Так оба и говорили: высоко поднимая брови и опустив глаза? – улыбнулся Холмов.

– Да, – хмыкнул Илья. – да.

Он настроился на решительный разговор, догадался при-

купить две бутылки красного вина, но дома он застал жену, собирающие чемоданы. Она собиралась поехать с ребенком к своему отцу. Жена уже не пыталась скрыть выражение страха на лице. Бурные попытки отменить поездку, включая запись к семейному психологу, ни к чему не привели.

– Я, конечно, извиняюсь, – не выдержал я. Вот уже несколько минут я сидел и думал, что мы упали до уровня, когда придется смотреть за чужими женами. – Но наше время стоит денег

– Я могу просто так посмотреть, – смутился Холмов.

– У нас издержки, – я в упор посмотрел на Холмова. – У меня издержки. У тебя издержки. С официанткой переглядывался, чаевые хорошие ей, наверное, оставишь.

О том, что нас не заплачено за квартиру, я не сказал. Не сказал, что все, кого я мог попросить пустить перекантоваться, мне отказали.

– Чаевые могу я ... кофе за мой счет, – махнул ладонью Илья.

– Лучше почасовая оплата, – тут же ответил я.

– Без проблем, – снова махнул Илья, потом засунул ладошки под коленки и начал раскачиваться. – Включая и этот разговор.

– Красивая, – Холмов достал телефон и медленно рассматривал страницу жены Ильи

– Красивая, – согласился Илья.

– Тогда... – Холмов замолчал. – Тогда... Тогда давай по-

честному, почему так уперся против ее поездки? Все, кого я знаю, так сильно упираться не стали. Может и не нравится, но поехала и поехала. Меньше доставать будет.

– Как почему... Моя жена. Я ее люблю. Ребенка в такую даль тащить... Потом куда ехать? Мать ее умерла, у отца очень давно вторая семья. С ним она практически не общается. Родители дают: "Сходите к психологу"... Ситуация эта неприятная, непонятная...

– На нее записано что-то?

– По мелочи... Ты про отцовский бизнес? По мелочи. Даже ничего переписывать сейчас не стали. Сторожок поставили. Вокруг его бизнеса постоянно какие-то пертурбации, так что проверили быстро. Все спокойно.

– Видео точно не было?

– Фотки в купальнике что-ли выкладывала? – я заметил среди недавних подписчиков страницы его жены несколько ребят с востока. – Ты всех ее друзей знаешь? Вот еще недавно подписалась, учились вместе в... Твоя жена в Лондоне училась?!

– В магистратуре... Ее не знаю – Илья разглядывал фото друзей и подписчиков. – Ее не знаю, остальных более или менее.

– Можешь написать им: "Привет, что-то давно не виделись. Вот такая-то объявилась у жены в друзьях. Как дела, что нового надо общаться", – я посмотрел на Холмова.

Холмов, не отрывая взгляда от смартфона кивнул.

– Напишу ...Волосы теперь нормальные... – Илья резко поднял голову и посмотрел на меня. – Что ты еще спрашивал?... В купальнике вряд ли. Фотки из спортзала выкладывала.

– Отшила поклонников спорта, а они обиделись.

– Уже два года ходит... ходила. Сейчас совсем никуда не выходит... Ребята с востока сейчас всем девушкам пишут, потому что у них на востоке опять буча. Ищут жену, чтобы от своей революции сбежать.

– Как вы познакомились с женой? – наседал я.

– Мне надо подумать, – перебил Холмов, поднимаясь. – Мне обязательно надо поговорить с ней, если она не уехала. Если точно уезжает, могу с ней поговорить по дороге в аэропорт, хоть в самом аэропорте... Я буду играть, но я буду думать. Увидишь, что я онлайн, не ругайся.

На улице мы разделились. Холмов пошел домой, а я сделал небольшой круг и вернулся к кофейне, медленно оглядывая людей и автомобили на улице. Через большое, почти до земли окно кофейни было видно, как Илья стоит рядом с официанткой и что-то весело ей говорит. Я прошел подальше, к автобусной остановке и стал ждать его выхода.

Не выходил он долго, я уже начал мстительно думать, что надо выставить двойной тариф. Когда Илья вышел, за ним никто не шел, к нему никто не подходил и видимого хвоста за его машиной не было.

– Фотографироваться отказывается... Нет примет... Даже когда улыбается, смотрит в упор, как мраморная статуя, – описывал нашего гостя по телефону Холмов и протянул гостю трубку. – Вас.

– Смотрит в упор, как упырь, – подсказал я. – Особенно когда улыбается.

Гость, не переставая улыбаться, взял у Холмова трубку:

– Илья Николаевич, снова здравствуйте. Да, это я... Бестактные у вас товарищи... Работа такая, все выяснять... Я трубочку назад передаю.

Гость вернул телефон. Чем больше я смотрел на него, тем больше росло мое раздражение. Безопасник. Как только у нас появлялось подобного рода дело, так нездоровым ветром приносило безопасника, который работал на бизнес наших заказчиков. Помогать не помогали, но зорко следили, чтобы от наших действий их теплое место не пострадало. Но этому удалось подловить меня, когда я расслабился. Илья удивительно быстро перекинул мне на карточку деньги, я тут же заплатил квартирной хозяйке и побежал в магазин. Прогулка мне была нужна, чтобы обдумать одну идею. Дело Ильи – это явная «бытовуха». Тянуться может долго. Нам нужна стабильность. У меня на работе, на прежней работе, есть много спортивных бодрых ребят. Может... здесь мысль моя забуксовала, и как раз раздался звонок. Звонивший назвал меня по имени, сказал, что вместе работали, есть срочная и важная для меня информация, и что он находится неподалеку. Я

был на улице, он был на улице, и шум перекрывал все слова.

– Давай быстро пересечемся, только не на улице или кафе, – кричал он в трубку. И я прокричал в ответ адрес квартиры, в которой мы сейчас обитали с Холмовым, радуясь, что все удачно складывается.

Но вместо сослуживца приперся этот упырь, который видел мое раздражение и веселился.

– Чем обязаны? – сказал Холмов.

– Во-первых, посмотреть на людей, которым пришел перевод, после чего семейная ссора благополучно завершилась.

– Посмотрел? – буркнул я. Мы договорились с Холмовым не светить наш адрес, и вот такой мой прокол.

– Она не уезжает?! – удивился Холмов и прыгнул за свой компьютер.

– Никуда не едет, и даже начала выходит на улицу.

– Что говорит? – спросил Холмов, не отрываясь от компьютера.

– Поговорить с Еленой Александровной мне не удалось, – безопасник смотрел только на Холмова, который, не отрываясь, пялился в монитор и водил мышкой. – Во-вторых, дело раскрыто. Я хотел бы поговорить о возврате суммы, которую вам перечислил Илья Николаевич за вычетом небольшого вознаграждения за ваши краткосрочные хлопоты. Хотелось бы получить возврат до возвращения Николая Николаевича, моего шефа, папы Ильи Николаевича, из командировки. Было бы всем хорошо, чтобы...

– Ничего не понимаю! – воскликнул Холмов.

Холмов схватил свой телефон:

– Илья? Жена куда не уезжает?... Что говорит? ... А со мной поговорит? Что-нибудь произошло? Есть что-то новое?..

Холмов опустил телефон, не прерывая звонка. Он смотрел сквозь безопасника, который учтиво смотрел на него.

– Илья, она ведь выходила на улицу? – Холмов говорил уже медленно, что-то обдумывая. – Илья, если она заперлась в комнате у ребенка и не собирается выходить, нужно, обязательно нужно, залезть к ней в карманы и проверить сумочку. Все что найдешь – бумажка, флэшка, дешевый телефон. Это. Нужно. Сделать.

Холмов снова опустил телефон и снова смотрел на безопасника, пока из трубки не послышался голос Ильи.

– Хорошо, а ты можешь сфотографировать и переслать мне сейчас? И, Илья, – Холмов снова стал говорить медленно. – Наверное, есть смысл, чтобы эта бумажка осталась у тебя... И по-прежнему не выпускай ее на улицу...

Втроем мы склонились над смартфоном Холмова. То что, переслал Илья, было рекламным листком салона по ремонту компьютерной техники и телефонов. Они еще оказывали услуги по размножению документов. Я сразу представил себе полуподвальное помещение, двух или трех худосочных парней с длинными сальными волосами в рыбацких жилетках. Они все почему-то ходят в жилетках со множествами

карманов. Листовка была такая же типовая. Забавная картинка из интернета, текст с услугами, адрес и телефон. Безопасник подобрался и на удивление быстро записал в свой телефон данные салона, потому что Холмов отказался переслать ему фотографию. Я навел свой телефон на QR-код. Но показало ту же картинку, что и на листовке, и интернетовскую ссылку на нее.

– Боюсь, что ничего еще не закончилось, – сказал Холмов безопаснику. – Боюсь, что развязка уже близка, и она может быть ужасной.

Безопасник мотнул головой, и я не понял выражение на его лице.

– Вы пришли сказать, что раскрыли дело, но не расскажете нам? – сказал Холмов. – Или расскажете нам, чем была напугана держательница малосущественных активов?

– Не чем, а кем, – безопасник говорил, вглядываясь, то в мое лицо, то в лицо Холмова. Как он умудрялся смотреть как упырь и улыбаться?! – Все истерика, скорее всего из-за того, что ей написала гадость одна из ее бывших подруг, которая когда-то сама встречалась с Ильей Николаевичем и, надо полагать, имела на него виды. Я пробил, что у этой подруги была второй аккаунт на вымышленную личность, с которой она писала гадости Елена Александровне несколько лет назад. В частности, когда та была беременна, то, пожелала ей скорейшего выкидыша. Видимо, что-то ее торкнуло и она опять принялась за старое. Так что, молодые люди, если

много лет назад вы сотворили в интернете какую-то гадость, не надейтесь...

– Кроме этой подруги друга Елены живут в другом городе. Тогда почему она на улицу боялась выходить? – перебил его Холмов. – Есть свежий биллинг по друзьям? Кто двинулся? Кто был у нас? Недавние друзья с востока – они действительно с востока? Или Вы задумали что-то важное без биллинга и свежей информации? Не хотите поделиться?

– Пробивка дело не быстрое, – теперь на лице безопасника я смог прочесть легкую досаду.

– Если не заплатить, – парировал Холмов. – Если заплатить, то мгновенно.

– Наверно, я прогуляюсь до этого салона, – сказал я безопаснику, накидывая на себя ремень сумки и вскидывая руку в направлении двери. – Не составите компанию?

– Может быть, подруга как-то приплела компьютерных хмырей. А может быть, Елена Александровна в сердцах хлопнула телефон об пол и теперь хочет починить его, – проговорил безопасник, выходя первым из квартиры. – Не вижу необходимости их посещать.

В компьютерном салоне раздражение мое только усилилось. План состоял в том, что подсунуть компьютерным хмырям планшет, который лежал у меня в сумке. С планшета на их рабочий компьютер перепрыгнули бы программки из коллекции Холмова, и вскоре мы бы получили пароли к их почте, а может и их социальным сетям и мессенджерам.

Но скорее всего их антивирус запишит, и тогда у меня будет повод задержаться. На входе в цокольное помещение, где располагался салон, мне пришла гениальная идея – пообещать бочку пива сверх тарифа в случае оперативного излечения планшета. Пиво нужно притащить, пока они еще водятся с планшетом. За время совместного распития пива я бы покачал этих хмырей.

В салоне я увидел двух крепких, кажется, невысоких парней, которые сосредоточенно крутили отвертками. Собирали они что-то похожее на компьютер с большим количеством вентиляторов. Их антивирус зашипел, и парни наотрез отказались заниматься планшетом. Они проигнорировали бочку пива сверх тарифа, а когда я закипел и начал орать про их листовки, которыми они изгадили весь дом, парни нагло заявили, что никаких листовок у них нет, хотя стопка этих листовок лежала на прилавке слева от меня. Тогда я зачем-то начал кричать про полицию, на что парни рассмеялись и вернулись к своему занятию. Потоптавшись и не придумав другой гадости, я достал телефон и демонстративно сфотографировал парней. Хоть настроение им испорчу.

– Парни подозрительные, что-то химичат, – говорил я, возвращая Холмову планшет. Мне все еще было досадно, что я пугал парней в салоне полицией. – Давай я позову ребят с работы. Они их тряхнут легонечко, и те сразу все расскажут, как и почему они пугали мать малолетней...

Вопль Холмова прервал меня.

– Какой ты молодец! – Холмова поднял с пола рекламку салона, которую я прихватил перед уходом. – У нас прорыв.

– Я говорю, очень подозрительные ребята, – сказал я польщенный. – Давай я позову...

– Второй глаз. Они как... – Холмов начал говорить обрывочными словами, как всегда было, когда он уже понимал, куда должно двигаться расследование, но еще не мог сформулировать свою идею.

Я же в этой истории не мог понять ничего.

Надо мне напрягаться, не надо мне напрягаться? Почему все нервничают из-за ничего?

Если мне тоже надо нервничать, то пусть хоть кто-то объяснит...

Я уже набегался, сил разгадывать ребусы у меня уже не было. Я молча показал Холмову фотографии из салона. Холмов выхватил телефон и принялся увеличивать лица парней, потом побежал перекидывать фотографии на компьютер.

Ну что, я честно заработал себе на ужин. День начался не очень, но закончился хорошо. Холмов отмечать гонорар не шел. Он сидел за компьютером, возился с картинками зверюшек, красоток и фотографиями парней из салона, которые он переделал в 3Д модели их голов. При помощи моих замечаний модели получились очень похожими, но чем больше Холмов возился с ними, тем больше он становился недовольным и даже удрученным. Однако меня это совсем не беспокоило – от отрывистых слов Холмов перешел к об-

щению жестами и текстовыми, а значит мы близки к разгадке. Когда Холмов переслал мне фотографию ослепительно красивой блондинки по имени Марго с текстом, что на самом деле это тот безопасник, я впал в эйфорию.

Оказывается Илья дисциплинированно написал тем контактам своей жены, которым мог написать, и выяснилось, что многим приходило сообщение от этой блондинки и настойчиво предлагала встретиться в оффлайн, Никто не мог вспомнить, кто она такая. Холмов нашел ее светлый образ среди стоковых фотографий. Он показал, что она написала только тем, кто появился в друзьях Елены недавно. Холмов считал, что так безопасник пытался компенсировать то, что не потратился на свежую пробивку и работал по старым базам.

– Я не мог понять его реакцию, когда ты сказал, что обстановка накаляется. Оказывается, на сцену вышла прекрасная Марго. Джекил и Хайд в эпоху социальных сетей: Упырь и Марго. – веселился я разглядывая ее страницу и пересланную переписку. – Появилась, когда безопасник подключился к делу... Как она ... он напирает по поводу встречи... Отныне и навсегда он будет для меня Упырь Марго.

Хорошее настроение не отпускало меня и на следующий день, даже когда на ветреном углу мы ждали выхода вредного мужика из подъезда.

– Это сосед, – Холмов хлопнул меня по плечу. – Я сфоткал из-за твоей спины и отправил Илье... Илья пишет: «Сосед».

– Ты вчера ночью рвался листовку клеить. Если эти листовки – единственная надежда выманить злодеев, то этот сосед уже бы все нашу надежду оборвал. Ну, что поднимаемся к Илье разговаривать с его женой?

У подъезда Ильи Холмов развернулся ко мне:

– Ты знаешь, я не знаю, о чем говорить. Знаю, но не знаю, как расспросить... Ладно, не ответит.. Если совет... На чьей стороне

– Не мучайся, я все понял, – хлопнул я его по плечу. – Тоже считаю, что не надо торопится. Надо подольше посидеть на деле. Балбесов из салона попржижали. Время бежит, деньги капают... Возвращаемся на базу.

...По железной двери барабанили так, словно, собирались выносить.

Я посмотрел на часы. Одиннадцать часов утра. Весь вчерашний день мы торчали дома. Я в своей комнате смотрел сериалы, Холмов играл в своей.

– Что было в листовке? – спросил я у Холмова, который торопливо обегал меня с выкрученным жестким диском от своего компьютера. – Кто это?

– Наверно, опер какой-то, – ответил Холмов выбегая из кухни. – Вирусный планшет и “паленые” телефоны? А свой спрячь. И наличку спрячь... Я открываю.

– Нет, подожди, – у меня наконец прошла растерянность. – Он один что ли? Зачем открывать? Устанет – уйдет.

– Что-то по нашему делу.

Опер был незнакомый. Он молча ринулся внутрь мимо Холмова, и отлетел назад от толчка моим животом:

– В туалет что ли? Имя, звание, размер сапог?

Опер замотал головой. Я отодвинулся:

– Беги, но потом представишься. И обувьними.

Я оглядел гостиную – на столике у дивана лежали "паленые" телефоны и планшет с вирусами.

После похода в туалет гонору у опера прибавилась:

– Собирайтесь, даю 5 минут. Поедете со мной в отдел.

Холмов молча вглядывался в опера, а может, смотрел сквозь него. Оперу стало неудобно:

– Что непонятного? Или мне наряд вызвать?

Холмов задумчиво взял со стола один из "паленых" телефонов и набрал номер:

– Илья? ... Когда? ... Как он сейчас...

Вчера вечером на стройке у торгового центра на Упыря Марго напали. Он сам вызвал подмогу, но состояние его было тяжелое. Может ли он говорить, Илья не знал. Не знал ли он, попало ли нападение на камеры наружного наблюдения.

– Что на камерах? – спросил Холмов у опера, не отнимая трубку от уха.

– Поедемте, граждане, в отдел. Там кино и посмотрите. У нас начальники в эйфории. Наконец-то тебя, – опер ткнул в сторону Холмова пальцем. – Удалось подловить на вымогалов и тяжком телесном.

– Нет никакого кина, – с вызовом сказал я. – Ночь, темень, снег. Ни черта не видно. На стройке было дело? Значит камеры на ворота нацелены, чтобы видеть, что тырят...

– Его телефон у вас? – Холмов по-прежнему не отводил трубку от уха. Было слышно, как Илья что-то говорит.

– У вас, – ерничал опер. – Вы же его отработали.

– Ты сказал «тяжкие телесные», не сказал «разбой». Значит, его телефон остался у него, – сказал Холмов. – Скорее всего, он в сознании... Что говорит?

– Шепчет. Шепчет ваши имена, – опер терял терпение.

– Этот проходимец, – примирительно сказал я оперу. – Он из наших?

– Может, и из ваших, – опер посмотрел на меня. – «Продимец». Это ты «проходи мимо», или я «проходи мимец». А он и в чинах больших службу проходил, и сейчас не бедствует. Смотри, как он быстро ваше логово нашел. Без его наводки я бы ноги по пояс стер, вас разыскивая.

– А с ней-то что? Повтори, что ты сейчас говорил... – Холмов продолжал говорить с Ильей и махал на нас опером свободной рукой

О происшествии с безопасником Илье позвонили и мать, и даже отец из командировки. И ни отцу, ни матери Илья не сказал, что пропала его жена. Точнее, он сам не знал, пропала она или все-таки куда-то ушла. Когда он вечером пришел домой, ребенок спал, а жены не было. Не было и какой-нибудь записки. Кажется, не было и одной дорожной сум-

ки. Звонить жене он начал часа через три, и вначале звонки проходили. Сейчас он увидел звонок с незнакомого номера и подумал, что это жена звонит. Кроме Холмова и родителей ему никто не звонил. И он не знает, продолжать ли ждать или нужно что-то делать.

– Конечно же подавать заявление в полицию, – Холмов держал телефон перед лицом. – Ее представитель сейчас передо мной, могу заявить о преступлении.

– Всё – в отделе, – опер широким жестом указал на дверь.

– Но время укажем, которое сейчас. – тихо возразил Холмов. – Сколько пройдет времени, прежде чем заявление зарегистрируют? Час? Пять? Если зарегистрируют. Если с девушкой что-то случится – твоя вина. Ты бы уточнил у начальства, что важнее и чем тебе заниматься.

– Что бы ты не решил – будешь виноватым, – поддержал я. – Звони отцам-командирам.

Пока набирался номер, опер отошел к двери и отвернулся. Он неразборчиво говорил в телефон, потом повернулся к нам:

– Они говорят «батарея и наручники заждались»

– Пусть Илья позвонит отцу. Пусть отец позвонит генерал или безопаснику. Пусть научит их выделять главное, – громко сказал я, обращаясь то к Холмову, то к оперу.

– Тогда они совсем ничего делать не будут, – удивился Холмов. – Они нам сегодня ночью понадобятся

Опер прислушивался к нашим словами, продолжая гово-

ритель, и медленно выходя из квартиры.

– Телефончик свой оставь, – крикнул я ему в спину, закрывая дверь квартиры. – Понадобисься.

Я повернулся к Холмову и присвистнул от удивления:

– Ты собрался в райотдел идти?

– Надо уходить. Они нас сластают, – Холмов стоял одетый с рюкзаком посреди комнаты и озирался. – У нас от 10 минут до 3-х часов.

– Не дури, – я сел на диван. – Никуда я не пойду.

– Нашел ее планшет, – Илья положил на столик кафе планшет. – Пароль не знаю.

Он морщился, щурился и смотрел перед собой, пока Холмов подключал планшет к своему ноутбуку, потом вместе с Холмовым склонился над планшетом.

Я тоже хмурился, но разглядывал через окно улицу. Все вокруг было подозрительно, все вокруг мне не нравилось, все мешало мне сосредоточиться и вспомнить, почему Холмов не прав. Я не мог прийти в себя с того момента, как, стоя посреди комнаты, Холмов сказал, что если за этой историей стоит Упырь Марго, то нас ждет неминуемый арест, а волю мы увидим лет через 10. Если Елена мертва, то на волю не выйдем никогда. Холмов вцепился в мою руку и вытащил из квартиры. Выходили мы через дальний подъезд, перебежав через крышу. У Холмова, оказывается, был набор ключей для этого.

– Надо ждать ответа, – Холмов уже отдавал планшет. – Что с безопасником?

– Лена ответит? – спросил Илья?

– Нет, – сказал Холмов. – Не знаю кто. Если на планшет будут приходить сообщения электронной почты, дай мне знать... Что с безопасником? С ним можно поговорить?

– Держи у себя, – Илья вернул планшет. – Не знаю что. Сан Санычем мать занимается. Могу спросить... Кто должен ответить? Елена?

– Нет, не Елена. Кто-то из ее прошлого.

– Не нравится мне все, – взорвался я. – Все подозрительно. Безопасник, который вдруг оказывается ночью на стройке, эти парни из салона. Может позвать парней с прошлой работы и потряхнуть их как следует?

– Ребенок у меня дома один, – Илья со вздохом поднялся. – Я заплачу за кофе.

Мы сидели молча, пока я не понял, чего хочу. Я хочу вернуться на квартиру.

– Может, пока суть да дело, вернуться к нашему дому, посмотреть, не ошивается ли кто-то? – сказал я. – Надо вернуться и начать разобраться с самого начала.

– Не согласен с этим новым миром? Привычный мир слишком быстро перевернулся? – Холмов посмотрел на меня. – В одно мгновение из достойного гражданина общества превратился в беглеца без крыши над головой и пра-

ва на оправдание?

Спорить не было сил. Но я хотел вернуться на оплаченную до конца месяца квартиру.

У Холмова зазвонил телефон

– Нехорошо звонит, – сказал Холмов, доставая телефон и посмотрев, кто вызывает. – Илья?.. Как?!... Стой на месте... Нет, широкими шагами иди к двери. Откроешь нам... Широкими.

Холмов посмотрел на меня:

– Пропал ребенок.

Мы рванули к Илье. Я старался, даже прихрамывая, быть на корпус впереди Холмова, чтобы в случае опасности снести любую преграду на пути. Это не очень получилось. Вместо того, чтобы бежать по прямой, Холмов оббежал соседние дома.

Не сразу он зашел и в широко открытую дверь. Из своего рюкзака от достал для себя и меня одноразовые бахилы перчатки и даже шапочки для волос.

В квартире он заставил меня и Илью топтаться у закрытой двери, а сам упал на пол и на четвереньках начал двигаться от двери, рассматривая пол в лупу и подсвечивая себе экраном смартфона. Свет от смартфона шел необычный, видимо он включил одно из своих диковинных приложений.

Я переминался в полной готовности, сжав кулаки и расправив плечи. Мне захотелось сказать что-нибудь успокаивающее Илье, но Илья остановил меня. Он прислушивался.

Я прислушался тоже.

– Не прячется ли в шкафу? – спросил Холмов, поднимаясь. Казалось, он предлагал поиграть нам в детскую игру. – Давай проверим. Где детская?

На входе в детскую я врезался в спину Ильи, которому дорогу преградил резко остановившейся Холмов. Он осматривал кровать, шкаф, маленький стол с маленьким стулом и короб с игрушками, наклоняя голову то в одну, то в другую сторону, словно забыл о нашем существовании.

Не хватало свитера и теплых штанов, пижамы и нескольких комплектов белья.

– Проверь деньги. Документы, – Холмов снова начал говорить отрывочно. – ... Мы на кухню. Не подглядываем.

Однако Илья замер не из-за того, что не хотел при нас проверять места, где хранились деньги и документы. Его мелко трясло.

– Быстро! – совершенно неожиданно рявкнул Холмов и посмотрел на телефон.

Я обнял Холмова за плечи и дотолкал до кухни. Это было невыразимой глупостью – орать на парня, у которого после того как, он связался с нами, пропала жена, похитили ребенка и чуть не убили безопасника, считай, кандидата в члена семьи. На месте Ильи, я вытащил бы ружье или бейсбольную битку и положил бы нас на пол дожидаться приезда полиции.

На кухне, как и во всей квартире, стояла необычная тишина. Не хватало только приглушенного шепота и фотогра-

фии с черной полосой. Я включил телевизор и тут же выключил его. Мне показалось, что Илья кому-то звонит и говорит про нас. Но мне показалось. У меня резко испортилось настроение. Только сейчас весь ужас нашей с Холмовым ситуации стал доходить до меня. Нас подозревают в нападении на безопасника. Мы получали от Ильи деньги. Пока шла наша встреча, у Ильи похитили ребенка. Если сейчас мы попадем в полицейские руки, то свободу увидим лет через 10, или никогда, как бы мы не кричали о своей непричастности. Так что наша судьба была полностью в руках Холмова, облаченных в перчатки .

Тот стоял перед раскрытым кухонным шкафчиком, медленно наклоняя голову то к левому то к правому плечу. Так он проделал со всеми шкафчиками и с холодильником. Потом он стащил перчатку с правой руки и засунул ее в шкафчик с посудой. Наша судьба его совсем не интересовала.

Можно было бы прикрикнуть на него, но даже окрик не выведет его из созерцания. Или оцепенения.

– Пропали наличные, 50 тыс. И кажется какие-то документы – в одной из папок кольца скоросшивателя были разомкнуты – Илья уселся за стол, упер в него локти и положил на ладони голову. – Надо записи с камер вокруг дома посмотреть?

Холмов выскочил в коридор, пошуршал у входной двери, вернулся, вымыл руки и сел рядом с Ильей

– Не все так плохо, – Холмов начал говорит нормально, и

у меня полегчало на душе. – Есть высокая вероятность, что ребенок с матерью и, возможно, ему ничего не угрожает. Им ничего не угрожает. Смотри. Дверь, скорее всего, открывали ключом – я не заметил следов взлома. Хотя есть устройства... Но похитители или похититель снял наружную обувь. Я не нашел на полу в коридоре ни следов наружной обуви, ни песка, который дворник обильно посыпает дорожки возле вашего дома и который я нашел в прихожей возле двери... Спасибо, что ходил широкими шагами... Пропали вещи ребенка, но в его комнате порядок. Не нашел детских лекарств. Послушайте, на проверку денег и документов ты потратил десять минут. Сколько мы сидели в кафе, минут пятнадцать? Пять минут добираться от кофе до твоей квартиры. Только кто-то из близких смог бы за 30 минут, пока ты отсутствовал, собрать ребенка, найти деньги, документы и не забыть забрать лекарства... У твоих родителей ведь есть запасной комплект ключей?.. Но в шкафчиках не стоит детская кружка так, чтобы была под рукой. Если вы ходите в гости к родителям, наверняка, у них есть кружка для ребенка. Если бы ребенка забрала к себе твоя мать – по какой-то причине без твоего ведома – вряд ли бы она прихватила с собой кружку, деньги и документы. Скорее всего, ребенка забрала Елена. Она не забрала бы в опасное место.

– Вне зоны, – Илья посмотрел на телефон и снова набрал номер. – И что теперь? Что, вообще, происходит? Надо записи с камер посмотреть?

– Ничего хорошего. Не бытовуха, – Холмов достал и включил свой ноутбук. – В кофе не успел.

Мы вздрогнули от неожиданного звонка. Звонила мать Ильи. Разговор принял для нас катастрофическое направление: от Ильи она узнала о пропавшей внучке и, в свою очередь наговорила про нас с десяток обвинительных заключений. Вчера она созванивалась с Еленой и на все раскрыла глаза. Очень скоро я перестал прислушиваться и думал только о том, как я подхвачу Холмова, и мы будем вырываться из этого дома, и где нам дальше прятаться.

– Она сказала, что вы хотели убить безопасника и что это вы организовали похищение ребенка, – закончив разговор, Илья с укором и растерянностью смотрел на Холмова.

– Мы в розыске. Скорее всего. Можно мы у тебя? – отрывочно сказал Холмов, не отрываясь от компьютера. – Ответ ждем.

– А что с волосами? – я дождался, пока Илья оторвется от приставки. Вот уже час они с Холмовым проходили миссию в стрелялке на пару. – Давеча ты сказал, "Волосы стали нормальные". Почему волосы стали нормальные? У кого?

– Это не про Лену. Это про другую. Когда я с ней встречался – до Лены... перед Леной... она постоянно перекрашивала волосы в яркие и дикие цвета, – сходу ответил Илья и вернулся к игре.

Это было самое тягостное ожидание в моей жизни. Ждать

непонятно чего. Ждать непонятно сколько. Ждать непонятно чего от участников этой истории. Все персонажи этой истории вызывали неприятную тревожность.

Вот этот Упырь Марго – то дело раскрыто, то среди ночи лезет на стройку, а в больнице называет наши имена.

Типы из салона – чем они промышляют? На клиентов им наплевать, со мной говорили, нехотя, цедя слова. Но судя по листовке хватаются за любую работу – и чинить, и копировать... И по интернету угрожать?

Или этот Илья. Почему такой спокойный, почему не бежит смотреть записи с камер наблюдения. Камеры вокруг дома должны быть, и выведены они на какой-нибудь пульт в этом же доме. Почему не выведет все у жены? Или если ты такой отстраненный, то почему сходу вспомнил наш первый разговор в кофейне и свою недоговоренную фразу? Почему он нам верит? Или не верит, а просто тянет время, пока не подъедет полиция. Почему мы должны ему верить? Может быть, это он закошмарил свою жену. А была ли жена? Или жена была, но он ее грохнул вместе с ребенком, и нашел двух идиотов, чтобы нас подставить?

Сколько мы сможем дальше скрываться, если полиция уже практически настигла? Сумеем ли разобраться в этой истории, до того как нас самих поймают? И собираемся ли мы разобраться? Вот, Холмов. Да, есть правило, что никто не должен знать квартиру, где мы обитаем. Но быть готовым ежесекундно к тайному побегу...

– Ответил! – неожиданно воскликнул Холмов.

И в этот момент в дверь забарабанили. Илья кинулся к двери, но Холмов схватил его за руку:

– Полиция. Куда спрятаться?

Когда тебя задерживают – это малопочтенный процесс, даже унижительный. Унижение в квадрате, когда при задержании тебя вытаскивают как нашкодившего кота, из-под кровати. Но этот решительный отказ мне пришлось формулировать и еле слышным шепотом произносить под обширной хозяйской кроватью. Холмов лежал рядом, но между нами лежали наши куртки, так что вряд ли он различал слова в моем шипении.

Если Илья решил нас подставить, если нас сейчас вытаскят из-под кровати, если в рюкзачке у Холмов найдут планшет Елены, если на этом планшете есть поддельная переписка с угрозами от имени Холмова, которую изготовил тот же Илья... Мы еще расклеили похожие листовки, выманивая злодеев, и нас застукал сосед. Какой все-таки Холмов идиот. Пападалово.

Вошло двое, в одном из которых я опознал по голосу давнишнего радостного опера. Похоже, ему нравилось барабанить по чужим дверям, но как тогда он работает в розыске?! Ему должны были тысячу раз объяснить, что стучаться нужно вежливо и робко, словно соседка, пришедшая одолжить соли или что там еще.

Второй, судя по всему, был помощником Упыря Марго.

Он вместе с опером собирался пройти в квартиру, а значит, обстоятельно расспросить Илью, но услышав, что, возможно, пропали жена и ребенок, а также деньги и документы, затоптались в прихожей.

– Заявление про деньги будете подавать или как? – вяло поинтересовался опер. – Тогда надо Вам в райотдел. Только надо все еще раз проверить и правильно написать. Вот Сан Саныч знает, как правильно написать, чтобы все заработало. Лучше дождаться, когда он из больницы выйдет

– Действительно, лучше дождаться. Саныч уже оклемался, – поддержал второй. – Мы пока по округе пробежимся, камеры посмотрим.

Если в темном пустом здании есть освещенная комната, то попавший в здание человек обязательно до нее прокрадется. Поэтому мы спрятались в темной комнатке по дороге к к большой освещенной комнате. Этот зал освещали несколько лампочек, прикрученных сразу к висящему в воздухе проводу. Это было здание недостроенной второй очереди торгового центра, примыкавшей к дальнему углу парковки. Именно на этой стройке приложили вчера Упыря Марго. Между нами и входом была еще одна комната или вестибюль.

– Я – черепашка-ниндзя, – послышался из темного угла сдавленный смех, почти шепот Ильи и звонкий удар пластика о бетон.

О том, что Илья пойдет с нами, он ни с кем не обсуж-

дал. Это выяснилось, когда стали распределять страйкбольную защиту. Холмов нашел наколенник от нее под кроватью и страшно обрадовался – легкие бронежилеты остались на нашей квартире. Холмов и Илья с защитой под одеждой напоминали накаченных героев комиксов. Я попросил лишь что-нибудь на голову – если будет атака спереди, то как-нибудь увернусь, а если позволю появиться у меня за спиной, то скорее всего получу удар по голове. Хотя легкий бронежилет не помешал бы. Мне дали велосипедный шлем Ильи как самый крепкий. Выяснилось, что в темноте шлем светится. Пришлось обматывать его шарфом, так что возле входа в комнату пряталось странное существо в очень высокой чалме или неестественно длинной голове. Я представил реакцию на него парней из салона, когда оно медленно покажется из темноты, и злорадно хмыкнул.

– Тихо! – вырвалось у меня. – Идут!

По одежде и по фигуре, я понял, что неуверенно прошедший мимо меня человек был молод и не опасен. Я должен был брать в оборот второго или последнего, поэтому пропустил его. Холмов с Ильей накинулись на человека, как только он встал на полосу света из соседнего зала.

– Ты?! – воскликнули одновременно Илья и вошедший мальчишка. – А Лена?!

– Это брат! – сказал Илья Холмову, помогая вошедшему подняться.

– Где Лена? – повторил вошедший, оказавшийся неведо-

мым братом. – Здесь опасно.

Я мгновенно начал изнывать от всего этого. Вместо того сразу взять в оборот этого брата и расколоть, они начали сентиментальную возню. Я прислушался ко входу. Там было тихо. Тогда я медленно пошел к пришедшему, тяжело и гулко опуская ботинки на бетонный пол.

Как только я показался из тени, этот вновь обретенный брат, совсем мальчишка, со страхом обернулся ко мне. Но смотрел он за меня. И в ту же минуту я получил удар по голове. Ноги подкосились. Глаза закрыла пелена. Меня мотнуло в сторону. У стены я выпрямился, но пелена все еще закрывала глаза. Я провел рукой. Это был шарф, который я намотал на каску. Половинки велосипедного шлема упали на пол. Илья, Холмов и этот брат рубились с каким-то крепышом. Ближе к выходу в темноте я заметил очертания еще какой-то фигуры и ринулся на нее. Но когда я сграбастал второго, чтобы как следуют шабаркнул об пол или стену, то почувствовал что-то странное. Я замешкался, но тут налетел брат и вырубил второго. Если бывают удары «со страхом и ненавистью», то его удары были таковыми.

– Телефон! – крикнул мне Холмов. Он склонился над неподвижно лежащим крепышом. – Смотрите все сообщения.

Я вытянул у второго шарф и стал связывать его руки за спиной. Мальчишка, которого называли братом, активно мешал, пытаюсь приложить палец второго к экрану смартфона.

– Здесь будем допрашивать? – я подошел к крепышу и начал вытаскивать у него ремень . Он повернулся на бок и попытался подтянул колени к животу. Я ткнул его ботинком по ребрам. – Где девушка? Где ребенок?

Илья перестал тыкать пальцем в телефон крепыша и с недоумением посмотрел на меня.

– Не вяжется, – Холмов не собирался помогать ни мне, ни Илье. – Не у них.

– Вы, наверное, не слышали, – мальчишка–брат протянул мне разблокированный телефон. – Он как вас по голове ударил, закричал мне «Где сестра?»... Правда, не слышали?

Илья и Холмов внимательно посмотрели на меня и кивнули головами.

Сообщения в мессенджере в основном были на незнакомом языке. Но вот иконка одного из адресатов заставила меня вскрикнуть:

– Упырь Марго! Ваш безопасник! Он отправлял координаты!

Как было видно из переписки, нападавшие и Упырь Марго договорились вчера о встрече. Потом эта парочка запросила у Упыря Марго координаты для навигатора, а потом перенесла встречу на сегодня.

– Я понял! Я наконец понял! – вырвалось у меня. – Вот смотри, какой он. Когда в полиции служил, создавал видимость полезного сотрудника, вопросы важные начальству решал. Когда в безопасники перешел, все то же самое: по тре-

вогам начальника лично бегают сам, подчиненных не допускает, с полицейскими и их начальниками связи не теряет, показывает себя великим сыскарем.

Илья и Холмов смотрели на меня. Мальчишка-брат, подошел к крепышу, явно намереваясь сверху ударить его каблуком ботинка.

– Я напишу ему «Повязали твоих бойцов, Упырь Марго», – бормотал я набирая текст на телефоне второго.

– Это они! – сказал мальчишка-брат, которого Холмов перехватил и не пустил к крепышу. – Это они писали! Надо с ними что-то делать! На меня наезжали.

– Где Лена? – спросил Илья у него. – Где ребенок?

– Не знаю! Я думал, это она мне написала, звала сюда. А это они заманили. Надо с ними решать!

– На! Решай! – Холмов поднял арматуру, которой крепыш ударил меня по голове, и протянул его мальчишке-брату.

Тот отшатнулся.

– Лена с ребенком где-то недалеко. Загородный дом, подруги, может гостиница, но это вряд ли, – сказал Холмов Илье и мальчишке-брату. – Определим список и объедем. Еще пишите ей по всем адресам и мессенджерам. "Не беспокойся, тебе позвонят". Надо только Дохтурова вначале в больнице показать.

– С этими что делать? – Илья кивнул на лежащих. – Как бы нам нападение не пришили. Но если их оставить – замерзнут.

– Пусть замерзнут, – зло возразил мальчишка-брат.

Смартфон вздрогнул у меня в руках. Пришло сообщение от Упыря Марго. Он спрашивал, где мы находимся.

– Это мысль! – воскликнул Холмов, забирая у меня смартфон. – Надо ответить. Я еще для подстраховки схожу до охранника торгового центра: скажу, что в здесь наркоманы притон устроили.

Холмов отправил сообщение и засунул смартфон во внутренний карман крепыша.

– О, как от него вкусно пахнет, – сказала медсестра, улыбаясь Холмову, хотя говорила обо мне.

Только сейчас я понял, что казалось странным и необычным в окружающем мире. Запах! Смесь пряных сладких незнакомых ароматов. Их источал второй из нападавших. Запахи остановили меня, когда я схватил его. Видимо, пока я возился с ними, запахи перекинулись на меня. Они создавали странное чувство необычности и неуверенности. Если бы не это чувство, вряд ли бы меня уговорили поехать в больницу к знакомой Холмова, которую он упорно называл «медсестра» ввиду ее юности, а она упорно поправляла «старшая медсестра». Меня должен был осмотреть дежурный врач, оставить на ночь, и это все нелегально и бесплатно. Вообще, меня всегда поражало невероятное количество знакомых Холмова, которых он мог попросить об услуге, которая беспрекословно и с благодарностью выполнялась. Хотя

эта медсестра, старшая медсестра, скорее всего была из числа Холмовских пассий, что не отменяло беспрекословность в выполнении его просьбы.

Меня быстро вырубило после капельницы. Проснулся я только днем, когда в палату вошли Холмов с Ильей. Они нашли Елену и ребенка в загородном доме родителей Ильи и проговорили полночи, выясняя все подробности, неясности и странности дела. Рассказывал в основном Холмов, Илья перемигивался со старшей медсестрой, которая их привела и которая демонстративно скромно уселась в уголке. Может быть, чтобы произвести на нее впечатление, а может быть потому, что в деле для него не осталось больше загадок, речь Холмова лилась готовым рассказом. Я догадался включить запись на смартфоне:

– Итак, это история про таинственные пугающие картинки и безжалостную настойчивость рока. Эта история началась несколько лет назад, когда у Елены умерла мать. Тогда ее отец, у которого давно была другая семья, отправил ее в Лондон для учебы в магистратуре. Вскоре, туда же был отправлен ее сводный младший брат. Они были знакомы раньше и даже дружны. Отец хотел, чтобы они подружились, и отправлял вместе в летние языковые школы за границу. Брат привязался к сестре. Еще до Лондона, он пару раз ночевал в у нее общежитии, когда поругался с родителями. Особенно ему нравилась приходить на ее вечеринки, быть во взрослой компании. В юном возрасте разница в четыре года ко-

лоссальна. Он надевал черные очки, забирался в какое-нибудь кресло в углу и гордо крутил головой целый вечер. Тогда же Елена стала называть «Братик-Зайчик» и «Зайчик в очечках».

В Лондоне брату быстро опротивела школьный пансионат и однажды, придя в гости, он попросился к ней жить. Она хотела отказать, но увидела, как уселся в углу дивана в черных очках, вздохнула и согласилась. Когда брат поступил в колледж, он стал жить отдельно, но все вечеринки проводил у нее. Брат обожал устраивать вечеринки. У него появилось невероятное количество знакомых. Он легко знакомился, может быть потому, что сквозь черные очки Лондон все время казался ему местом действия сериалов и игр, а люди – их персонажами. Тайный сообщения, которыми они обменивались, хотя встречались, кажется, каждый день – это было частью его игры в Лондон Джеймса Бонда.

На одной из первых вечеринок она познакомилась с двумя парнями с востока, двумя братьями. С младшим из них, Али, Елена вместе училась, но стала замечать его только после вечеринки. Спустя несколько дней она повстречала Али в кафетерии, поздоровалась и перебросилась парой фраз. Выйдя из кафетерия, через окно увидела, как он возбуждено крутится на месте и что-то радостно тараторит по телефону. Елену развеселила мысль, что причиной бурного возбуждения могла быть она. И она не стала отшивать Али, когда тот начал оказывать разные знаки внимания, а потом и открыто

ухаживать.

Но ту вечеринку, которую устраивали Али и его старший брат Джит, Елена не хотела идти. Она решила, что ее отношения с Али прекращены. Али прекрасно ухаживал, он замечательно пел, у него был приятный голос. Он хорошо разбирался в информационных технологиях – это он придумал зашифрованное общение посредством картинок. Но Али не видел для себя иного будущего, кроме как на родине. У Елены не получалось представить свое будущее желанным и прекрасным на родине Али, как она ни тужилась. К тому же в общении с ней у Али стали появляться командирские нотки. Но перед вечеринкой к ней зашел братик и утащил Елену туда. Под утро смертельно пьяная шведка, подруга Джита, упала со стола и свернула себе шею. Братик к этому моменту с вечеринки ушел.

Джит и Али в мгновение из самодостаточных и уверенных мужчин превратились в бородатых подростков, растерянных и испуганных. Они не нашли ничего лучше, как закатать тело шведки в ковер и выбросить в мусорный бак. Через несколько часов братья улетели из Лондона, а на следующий день на родину вернулись Елена. Прекрасно кино закончилось. Кажется, в ковре вместе со шведкой был замотан и лифчик Елены. Она повторила несколько раз, что ничего такого не было, что она снимала его, не снимая кофточка, и что это была игра. Ничего такого.

Елена прекратила все контакты с братиком. Потом она по-

знакомилась с Ильей, переехала в его город, вышла замуж и сменила фамилию, завела новые аккаунты в социальных сетях. Про лондонскую историю она забыла напрочь.

Джит и Али недолго пробыли на родине. Отец отправил их в нашу страну, где был филиал семейной торговой компании, а также крупные вложения в строящийся логистический центр, переждать, чтобы утих шум. Они жили и вели дела без особых проблем, пока на родине не случилась революция. Начались перебои и с поставками, и платежами. Я посмотрел в интернете, бизнес их был крупный, значит и быстро образовавшиеся долги тоже были крупными. Думаю, очень скоро и очень неожиданно по поводу долгов их посетили бандюги. Как я понял со слов брата Елены, бандюги были старой формации, с воображением: помимо долга они потребовали и вознаграждение себе, за беспокойство. Можно представить в каком состоянии к этому моменту находились Джит и Али. Привычный мир рушился. Они ведь сюда приехали под какие-то договоренности, что по лондонской истории они не будут допрошены, или задержаны, или экстрадированы. Они не были уверены, что прежние связи, договоренности, вообще, весь порядок вещей продолжат действовать. Я нашел недавнюю совместную публикацию британской «ChronicleX» и шведской «Nyheter». Как можно судить из бесплатной части текста, журналисты рванули на их родину, чтобы поговорить с братьями о той истории, а также пытались найти братьев в тех странах, где у их семей-

ной фирмы были филиалы. К этому моменту, скорее всего еще во время подготовки публикации, Джит и Али разыскали брата Елены, встретились с ним, поплакались на свою тяжелую судьбу и выяснили новую фамилию Елены. Скорее всего, это Али отправил на новый аккаунт Елены зашифрованные послания, на которые она не ответила.

– В чем был секрет этих посланий? – не выдержал я

– О, это было простое, и в тоже время гениальное решение. Текст сообщения не был скрыт в коде изображения. Я тоже, как вы пытался смотреть исходный код картинок, искать в сети, на каких страницах есть похожие изображения и какие на этих страницах тексты. Сообщение находилось промте! Промт – это набор команд, по которым нейронка генерирует изображения. Не нужно использовать специальные программы, которые для кодировки и декодировки сообщений. Достаточно зайти на сайт, который открывает доступ нейросети, и может быть знать сид. Сид – это... пусть это будет набором цифр, привязанных к конкретному изображению. Если помнишь цифры сида, то основной текст промта уже заполнен. Написал сообщение, два клика и картинка готова. Написал сид на сайте с нейронкой или засунул картинку в реинжиниринга, два клика – и промт с сообщением вытащен из картинки. Надо сказать, что ключ к разгадке шифра, мне дал поход в компьютерный салон моего товарища Дохтурова. В который раз отдаю должное его звериному чутью.

Но вернемся к братьям. Сказать, что Джит и Али были в состоянии паники и истерики, значит ничего не сказать. Какой-то умный человек научил их, что если вы собираетесь платить бандитам, то вы должны что-то попросить взамен. Братья собирались платить бандитам, потому что не были уверены, что в новом миропорядке они могут рассчитывать на защиту закона, статуса и неформальных договоренностей. Братья пообещали и закрыть долг, и комиссионные бандюгам, но взамен потребовали от бандюги стать резервным источником информации о том, есть ли на братьев какой-либо уголовный ордер. Если ордер есть, то помочь в эвакуации из страны. Также они должны были решить вопрос с Еленой. Это не был конкретный заказ на убийство. Нужно было сделать так, чтобы Елена не встречалась и не разговаривала ни с журналистами, ни со следователями. Если же она успела с кем-то переговорить, то решить на месте. Мне кажется, они хотели встречи с Еленой без какой-то конкретной цели. Могли подкупить, а могли и убить.

По социальной сети Елены они не понимали, в каком городе она живет. Поэтому они встретились еще раз братиком. По сложившейся традиции снова поплакали на судьбу, а потом к встрече присоединился бандюг и начал на братика наезжать. От неожиданности братик больше растерялся, чем испугался, и подтвердил, что это аккаунт Елены, но сообразил соврать насчет города. Он сказал, что Елена живет там, где родилась и училась. Благо, у Елены на странице был

указана школа в этом город. Но план братьев и бандита был хитрее. Они хотели, чтобы братик привел их к Елене. И они продолжали его обрабатывать до тех пор, пока братик не поверил, что Елене грозит неминуемая гибель, а навел эту гибель он, ее сводный брат.

Братик и до этой встречи находился в состоянии полного раздрая и ощущения себя полным ничтожеством. Он где-то крупно наложил, подвел своего отца, но в чем именно, отвечать отказался. Мысль о том, что он еще и навел убийц на сестру, сводила его с ума. Пойти к отцу у него было сил. Он давно хотел куда-нибудь свалить из города. Поэтому после разговора со страшной троицей сразу рванул в аэропорт. Это и спасло Елену, потому что братику не успели сесть на хвост.

Братик представлял, где живет Елена с мужем. Ему удалось разыскать их дом, и даже во дворе, за забором, увидеть Илью со своим племянницей, но подходить к ним не рискнул. Братик смог подготовить зашифрованную картинку, закинуть ее в интернет и перевести адрес в QR-код, но отправлять Елене это сообщение через соцсети не решился. Он распечатал ее у наших знакомых из компьютерного салона, используя их листовку для якобы тестового прогона. Братику удалось проникнуть во двор и повесить листовку на подъезд Елены. Ему повезло, что в этот день Елена решила выйти на улицу за покупками перед поездкой.

Как я уже сказал, поход моего товарища Дохтурова в компьютерный салон принес отгадки многих загадок. Во-пер-

вых, на листовке из салона отсутствовала картинка и QR-код. Теперь я мог быть уверен, что послание содержится в картинке. Когда я научился извлекать промт, то в сообщениях из картинок в социальной сети увидел угрозы и требование молчать о лондонской истории, а в сообщении картинки из листовки, было предупреждение не общаться через соц сети и просьба о встрече. То, что сообщения написали разные люди, было понятно из стиля их размещения. В картинках из социальной сети сообщение стояло в конце объемного промта, но перед ним еще были поставлены понижающие коэффициенты. В таком случае оно не влияло на изображение. Было видно, что послание отправил или создатель шифра, или человек понимающий. Сообщение из картинки на листовке просто стояло в конце промта, внося легкие искажения в саму картинку. И здесь, надо признаться, я допустил ошибку, которая затормозила расследование и привела к нападению на пациента Дохтурова. Слова в конце сообщения из листовки были про кролика в очках в коробке. Я их отнес к словам, формирующим изображение. Может быть, думал я, эти слова связаны с переносом стиля из изображения зайца в очках, сидящего в коробке, которое было известно нейросети. Но это был адрес электронной почты! «Зайчик @ очечках дот ин бокс» !

Так мог назвать себя только брат Елены, и она это сразу поняла. Елена без колебаний сорвалась и поехала на встречу. Она не заметила, как за ней увязалась машина. В маши-

не сидел безопасник, известный нам как Упырь Марго, а для всего остального мира как Сан Саныч. Я до сих пор удивляюсь его прилежанию, столь нехарактерному для мусоров. Может быть, дело в том, что он поговорил с мамой Ильи, у которой пользовался безграничным доверием. А может быть наше появление в деле заставило его сидеть вечером возле дома Ильи и Елены, поглядывать по сторонам и заодно назначать всем встречи от имени красавицы Марго. Последнее было довольно хитро. Во-первых, ему не пришлось бы никуда шараться по зимнему городу в снегопад. Во-вторых, если кто-то, как и он, следил за домом, то вытащить его на встречу по соседству было бы проще. Откликнулись только Али с бандюгом. Они притворились, что заблудились, и запросили координаты для навигатора. Так они узнали город, в котором живет Елена и возможное расположение дома. Встреча была перенесена на следующий день.

Безопасник по пятам за Еленой зашел в недостроенное здание и позвал ее. В ту же секунду на него из темноты налетел кто-то и ударил. Это был братик. Я не спрашивал его, но можно представить то отчаяние, когда он увидел, что Еленой кто-то идет. Выходит, он опять налажал. Если бы не провод, протянутый в воздухе через несколько помещений, за который зацепилась подобранная братиком палка, он бы точно убил безопасника.

Елена шум драки восприняла как ловушку и смертельную угрозу для себя. Он тут же сбежала. Елена узнала го-

лос безопасника, и как она потом призналась, хаос вокруг нее выстроился в четкую структуру. Даже снежинки падали по прямой траектории под одним углом и с равными интервалами. Это был заговор, который организовала матушка Ильи и исполнял безопасник. Целью заговора был развод Елены и Ильи, отнятие ребенка, и женитьба на Ильи на своей предыдущей пассии, той, что, потряхивая цветными волосами, желала ей выкидыша. Надо сказать, что давние разногласия Елены и матушки Ильи, были, в том числе метафизического порядка. Елена терпеть не могла эзотерику, которую матушка практиковала. Это была практичная практика. Появилась проблема? Матушка Ильи помедитирует, проведет какой-то обряд или съездит в какое-то место силы – и проблема разрешается

– Самое смешное, что это действительно работает, – вмешался Илья. – ...Хорошо, совпадает. Даже эта революция на Востоке: она куда-то там съездила, помедитировала, свечки пожгла – раз, восстание! Есть шанс увеличить закупки чая, поправить дела. Или с тем же Сан Санычем история...

– Надо сказать, – подхватил Холмов. – Что матушка Ильи, считала, видимо, основываясь на его рассказах, что Упыря Марго прикрывает невидимый щит свыше. Как же его разбитая голова, можете вы справедливо спросить?

– Она скажет: «Могло убить, но не убило», – хмыкнул Илья. – «Невидимый щит». Поэтому Сан Саныч у нее в большом авторитете.

– И еще одно, – Холмов поднял палец. – Тем вечером матушка Ильи позвонила Елене и на многое открыла глаза: на тайную сетевую активность подруги с когда-то яркими волосами, на то, что она, Елена, плохо воспитывает ребенка, и что в их квартире плохая энергетика. Матушка Ильи предложила отпустить ребенка с ней в экзотическое путешествие для оздоровления. Поэтому мы должны считать Елену не свихнувшейся, а настрадавшейся девушкой, чьи зловещие предсказания в этот вечер продолжились. Оставив машину за квартал от дома, она не смогла преодолеть калитку в заборе. Магнитный замок пикал и щелкал, но калитка не открывалась. К тому же она заметила, как кто-то прятался в тени дома и кто-то прятался в тени соседнего дома. Мысль, что можно вернуться к машине, взять пульт от автомобильных ворот или заехать на машине, в голову Елены пришла. Как я понял, Елена девушка пугливая, но решительная. Поэтому добежав до машины и немного попетляв по городу, она решила ехать к подруге, той самой, в прошлом крашеной сучке. На мирный характер ее визита указывают две бутылки белого вина. Конкретное содержание своего разговора с подругой Елена передала тремя словами: «плакали, жаловались на жизнь». Четырьмя! Четырьмя словами! На следующий день Елена смогла забрать ребенка, потому что магнитный замок не работал ни на воротах, ни в калитке, и все было открыто. Также она прихватила документы на их с Ильей загородный дом, который был записан на нее. До дома она доехать не получи-

лось, так как проселочную дорогу замело. Ниже в 10 км по шоссе, в речной долине располагался дом родителей Ильи, и Елена поехала туда. Елена знала, что матушка Ильи без мужа в загородный дом не ездит. Сторожу она сказала, что хозяйка хотела с ним поговорить, но она советует ему позвонить дня через три-четыре, потому что хозяйка ходит сейчас злая. Сторож, пока поднимается температура в доме, растопил камин, и Елена с ребенком вполне комфортно возле него устроились. Где мы их и нашли: как только мы передали моего друга Дохтурова в заботливые руки старшей медсестры, Илье позвонила матушка и сказала, судя по записям с домашних камер, ребенка забрала Елена.

– Хорошо, что она не стала возвращаться в гору по такой-то дороге. Мы потом все вместе еле поднялись, – перебил Илья. – А что за засада была возле нашего дома?!

– Здесь я вступаю, на зыбкую почву из предположений, – важно ответил Холмов и снова поднял палец. – Парни из компьютерного салона! Наши главные подозреваемые в прошлом!

– Социальные сети! Всякие компьютерные дела! Листовка! – прорвало меня. – Рожи! Рожи подозрительные какие!

– Я даже сгенерировал 3д модели голов этих парней, чтобы омолаживать их... – Холмов запнулся – их рожи, и разглядывать с разных ракурсов. Была версия, что может быть, один из них – отец ребенка Елены и... Илья, прости, пожалуйста... Ни на чем основанная версия. Но потом я вспом-

нил слова Дохтурова об обилии компьютерных вентиляторов, и стал разглядывать, что они собирали. Это были майнеры! Они собирали майнеры для крипты. Тогда поведение парней из салона стало мне ясно! Криптовалютный рынок падает уже несколько месяцев. В нашем рассказе неоднократно упоминалась революция на Востоке, и можно придумать, как революция спровоцировала падение криптовалют. Но мне больше понравилось бы объяснение, что падение крипты привело к обнищанию широких народных масс, что в свою очередь, вызвало революцию. Сами ли парни вложились в крипту или компоненты майнеров, клиенты ли отказались от уже собранных устройств, но, видимо, парни крупно влетели. Только злой рок мог их вернуть от высокодоходной сборки майнеров к ремонту техники и копированию бумажек. И протест Дохтурова против расклеивания рекламных листовок, был для них гласом рока, мешающим выжить. Настоящие герои бросают року вызов. Поэтому в вечером парни из салона отправились расклеивать рекламные листки по окрестным домам. Но рок не отступал, и принял облик безумного соседа. Когда мы бежали на квартиру к Илье, то специально завернули к соседним домам. Они были обклеены листовками, а дом Ильи – нет. Думаю, что это безумный сосед не допустил поругание дверей и стен. Увидев, что компьютерные парни не уходят и, подозревая, что у них есть универсальный магнитный ключ, безумный сосед заблокировал магнитный замок калитки. Даже после блоки-

ровки противоборствующие стороны какое-то время следили друг за другом из тени домов и напугали Елену. Повторю, это только предположение, но записи с камер наблюдения домов должны подтвердить мою правоту. Активность соседа были спровоцирована нашей попыткой общаться через картинки на листовках. Я тогда не очень понимал, с кем предстоит общаться и как нужно менять промт. Во всяком случае, на наш ответ на похожей листовке братик не обратил никакого внимания, а на встречу я его выманил, только когда догадался про адрес его электронной почты в промте. Прочитала ли Елена наше сообщение и не напугало ли оно ее еще больше, я не знаю, не спросил. На этом таинственную историю пляшущих котят можно считать раскрытой.

Старшая медсестра также молча поднялось и вышла из палаты. Проходя мимо Холмова, она хмыкнула, подняв брови.

– Все?! – сказал я, раздраженный многословием Холмова и тем, что этот мальчишка фамильярно называл меня по фамилии. – Что будет дальше? Что с остальными?

– Братик с Еленой у нас дома, – сказал Илья, тоже собираясь на выход. – Али, думаю, уже на родине. Бандюг задержан за попытку грабежа телефона у иностранного гражданина. Завтра Сан Саныч уверенно опознает его как лицо, напавшее на него. Но, как говорит сам Сан Саныч, дело вряд ли дойдет до суда и даже вряд ли будет возбуждено. Послезавтра всплывут адвокаты с авиабилетами, которые докажут,

что в момент нападения на него задержанный бандюг был в другом городе. Через неделю хватятся иностранного потерпевшего.

Илья задержался в дверях.

– Как ты думаешь, рассказу Лены можно верить? – спросил он у Холмова.

– Не она ли свернула шею шведке и вырубилла безопасника? – уточнил тот.